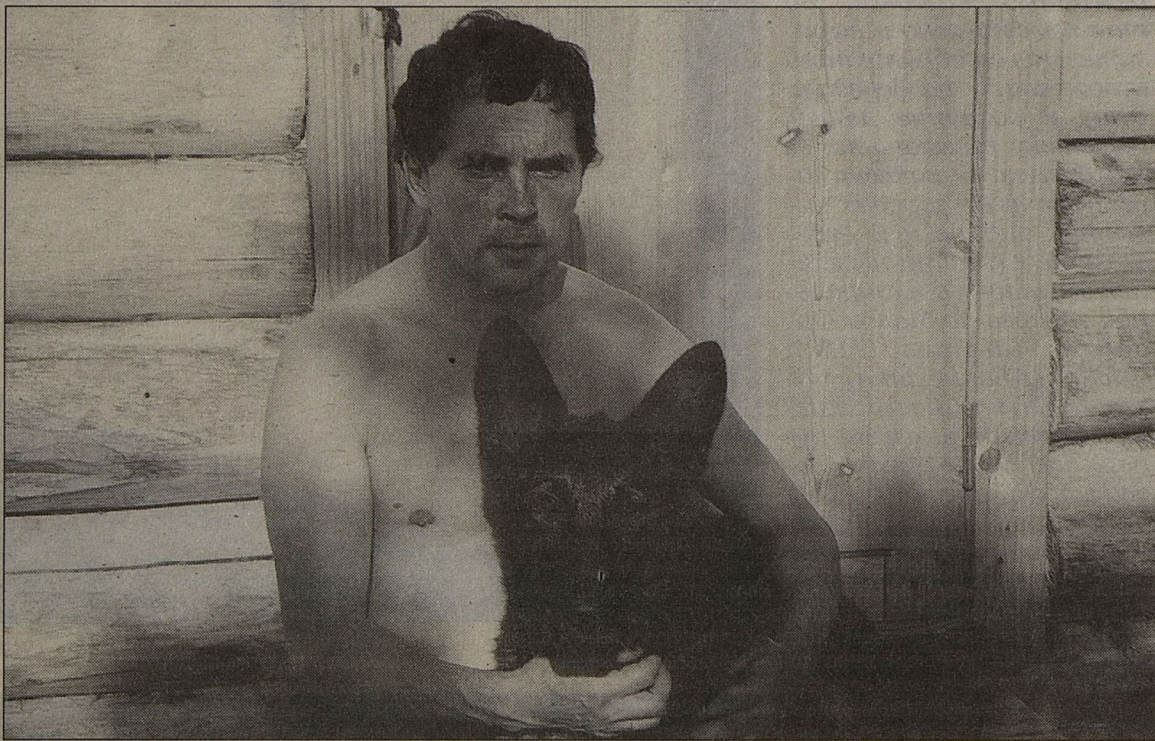

10.04
(015)
(015)
(015)

Иван ОВЧИННИКОВ

Вообще никак...

*Возвращаюсь в Москву.
Как и договорились, звоню Ванечке.
— Попросите, пожалуйста, Ивана Михайловича.
Пауза.*

— Кто спрашивает?

Называюсь

Снова пауза. Тихий печальный голос:

— Две недели назад Ваня погиб. Машина...

Было ощущение, что телефонная трубка ударила током. Сразу вспыхнул вопрос: "За то?" Да кому же его задашь...

Познакомились в мастерской Ковалю. Небольшого роста, очень живые, быстрые темные глаза. Биолог, работает в Ботаническом саду. Обещал подарить мне пихту. Забавно рисует. Широко образован, прекрасно знает и понимает литературу. Занимался в семинаре Ковалю.

Трепетная душа его трудилась, жила любовью к близким и ко всему живому в мире.

Замечательный человек Ванечка Овчинников...

Юлий ФАЙТ

"Ладно, — думалось мне, — отвечаете моей ухи, тогда узнаете "вообще никак".

А Коваль ходил по моей квартире. Он и раньше бывал у нас, но как-то быстро уезжал. А теперь он мог хорошо рассмотреть книги и наши растения. Коваль нравился их названия. "Хамедорея", "кодиум" — говорил он так, будто пробовал эти слова на зуб.

Но пора было садиться к столу. Перед ухой была еще и закуска. Я не знаю, играл ли Коваль в карты или в шахматы, но одна игра у него была. Он мог вдруг указать на пробегающего по стене таракана, и надо было проявить свое знание литературы, перечислить стихи, сказки, романы, в которых бы тараканы упоминались. Например, "Таракан, таракан, тараканешка, жидконогая козявочка-букашечка" — это из сказки Корнея Чуковского. Или "Жил на свете таракан, таракан от детства" — а это из романа Федора Достоевского. Сегодня Коваль остановился на сыре. Я победил в игре. Юрий Иосифович застрял на Козьме Пруткове: "Вы любите ли сыр?" А я вспомнил и кусочек сыра, что снился бедному Бенджамину Ганну на острове сокровищ, и сыр "добрый квартирмейстер" из "Игроков", и даже библейский "сыр племен", что был даден царю Давиду.

Вот вам и "вообще никак" — торжествовал я, а ведь впереди была еще и уха. Уху я готовил по всем правилам, вычитанным у знаменитого историка кухни Похлебкина. В ян-

тарном бульоне плавали куски осетрины. На нее я возлагал особые надежды. Дело в том, что после ухи я собирался подсушить Ковалью две-три своих сказки. Никогда до этого я не осмеливался, кроме как на семинаре, докучать ему своим творчеством. Обычно мы с ним говорили о вещах вечных — о жизни и смерти, а если о литературе, то о мировой. Забренный осетриной, казалось мне, Коваль снисходительно отнесется к моим опусам. Да только, где мне было угодить такому мастеру, как Коваль! Уж он-то готовил уху не по книжным рецептам! Конечно, будучи у меня в гостях, Юрий Иосифович из вежливости мог бы похвалить мою стряпню. Но никогда на моей памяти писатель и уховар Юрий Коваль не хвалил никого из вежливости, зря, казалось ли это литературы или ухи.

Сидя за столом в тот день, чувствовал я себя вообще никак. К счастью, на столе были соленые грибы чернушки, которые привели Коваль в восторг.

— Эх, Ваня, — говорил он. — если бы ты сказки писал, как солишь грибы! А по-честному надо вам сказать, грибы солила жена моя Галя. Давно съедены те грибы...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Василий Андреевич Кулешихин, "новый русский", в душе так и остался старым добрым советским завмагом и "застой" вспоминал с теплым чувством. Самое страшное, что пуга-

ло его в те времена, была "контрольная закупка". Нынешние ужасы, вроде "контрольного выстрела в голову" были покруче. Телохранитель он, однако, не завел и в подмосковный краснокирпичный дом-сундук не переехал. Жил по-прежнему в Черемушках. В этом, правда, был свой тонкий расчет. Соседями его был народ все больше простой, отчасти нетрезвый по вечерам. Санки и велосипеды, на минутку оставленные у дверей, исчезали молниеносно. Что санки, даже бутылка из-под пива могла простоять на подъездном подоконнике не больше четверти часа, а такую недешевую вещь, как взрывное устройство, надеялся Кулешихин, еще быстрее бы своровали. Парней из ФСО ему вполне заменили старушки, эти ссилы и харибды наших дворов, мимо которых никому не удается проскользнуть незаметно.

Коллеги по бизнесу его поведение не одобряли.

— Ты хоть пса заведи для охраны, — говорил ему партнер. — Хочешь, достану тебе щенка? Фила бразилейро, собака-людоед, вырастает с теленка. Всяких заморских чуд, вроде пираний и крокодилов, а тем более псов-людоедов, консервативный Василий Андреевич не любил и, несмотря на моду, заводить у себя не желал. К собакам он с детства относился прохладно. И в то, что с их помощью можно оборониться от кого-либо, вовсе не верил.

— Где собаке против человека ус-

тоять! — рассуждал он. — Тем более, против меня пошлют не замухрышку какого-нибудь, а киллера подготовленного.

Собаку с недавних пор завели соседи. Неподалеку от дома нашли они совершенно потерянного и отощавшего щенка. Через год он вырос в здоровенную восточноевропейскую овчарку. Несколько раз в день, стуча когтями, она пронеслась мимо кулешихинских дверей на прогулку. Василий Андреевич избегал с ней встречаться. Нет, овчарка, которую называли Корой, не набрасывалась на мимо идущих, чтобы их загрызть. Она даже не рычала и не лаяла на них. У Кору была широкая и добрая душа. Всякого встречного, особенно незнакомого нового человека, считала она своим другом, прыгала вокруг него, вертела хвостом-поленом, норовила лизнуть в губы. Однажды Кулешихин не уберется. Ему тоже была оказана такая дружба. Он тут же выплюнул, и с тех пор, слыша на лестнице стук когтей, старался подумывать про Кору что-нибудь тяжелое...

В то утро все старушки из любопытства утянулись к соседнему дому — кто-то там вывалился из окна. Это дало возможность киллеру проскользнуть в подъезд незаметно. Он был серьезный мужчина с чулком на голове и с пистолетом с глушителем в руке.

Кулешихин выходил из дома ровно в девять, и опытный киллер это знал. Без пяти девять хлопнула соседская дверь, и, волоча за собой хозяйина, по лестнице стала спускаться Кора.

Как и Василий Андреевич, киллер не любил собак. Впрочем, он умел расправляться с теми из них, что вставали на его кровавом пути. За годы тренировки он хорошо изучил собачьи повадки. Они "берут по месту" — хватают за горло или сжимают челюсти на запястье правой руки. Того, что обрушила на него Кора, не мог ожидать ни один киллер на свете. Приветливая собака в восторге прыгала вокруг нового человека, вращала хвостом, как мельница, в конце концов языком стянула с головы маску-чулок и чутунными лапами выбила из рук пистолет.

Когда Кулешихин вышел из квартиры, все было кончено. Обнюханный и облизанный, избитый хвостом-поленом, киллер катился вниз по лестнице, а хозяйин Кору, едва удерживающий счастливую по случаю нового знакомства собаку, с извинениями протягивал ему вслед чулок и пистолет.

Василий Андреевич все понял. Он был человек понятливый, иначе никогда бы не стал Кулешихиным!

Вечером в квартире владельцев Кору раздался звонок. На пороге стоял Василий Андреевич.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он. — у вашей собаки в ближайшее время не будет щенков?

ОРО
(Памяти Юрия Ковалю)

Дяде Савелию срочно понадобилась собака дом сторожить.

Времена стояли беспокойные. В Москве со дня на день ожидали переворота, а у соседа яблоню обтрясли — Белый Налив.

— Собаку надо выбирать посерьезнее, — говорил сильно обиженный на яблочных воров сосед, — московскую сторожевую или бультерьера!

Дядя Савелий с недоверием вслушивался в незнакомое булькающее слово, интересовался — какая, к примеру, цена?

Рис. И. ОВЧИННИКОВА

— С родословной одна цена, без родословной — другая. А главное — экстерьер!

Для дяди Савелия, что экстерьер, что бультерьер — было едино. Сосед же, Иван Михайлович, был человек удивительный. Даже приехавшую за ним по случаю болей в желудке бригаду скорой помощи он мог ошеломить новейшей медицинской теорией, и если бы ему встретился какой-нибудь всемирный ученый физик, он бы и с ним завел беседу о кварках и тахионах.

— Ехать надо на Птичий рынок, — продолжал втолковывать сосед, — в другом месте тебе дрянь продадут, а не собаку.

Сосед с виду был человек приветливый, готовый каждому помочь советом, но и интересу своего никогда не упускал. Вот и сегодня в конце разговора он обратился к дяде Савелию.

— Тебе все равно на Птичий рынок ехать, купи уж и мне заодно собаку за ту же цену. Белый-то Налив обтрясли. Но ведь поспевают еще и Антоновка!

Задолго до рыночных ворот стали попадаться дяде Савелию продавцы собак. Один из первых повстречался ему некоторый человек. Он сердечно улыбался и держал на шнурке здорового лохматого пса. Из кармана его пиджака торчал хвост копченой рыбы. Дальше и вовсе продавец повалил косяком.

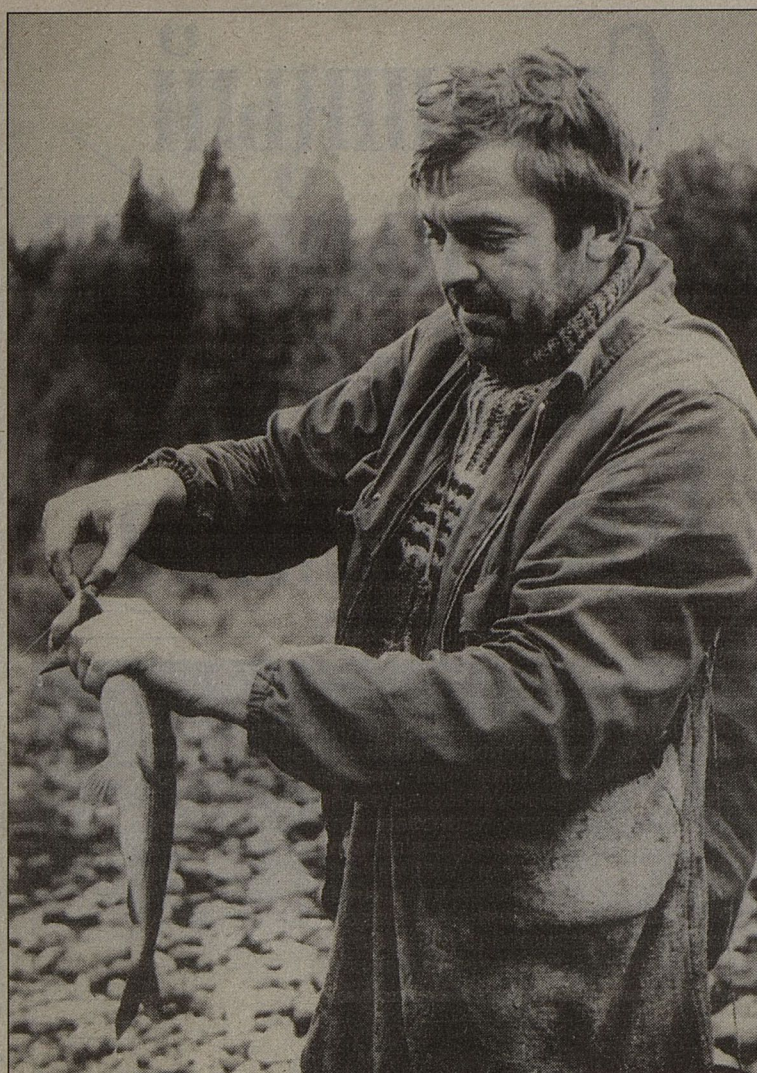
— Собака линии "Гунтер"! — тыкал ему в нос лопоухого один продавец. — От самого Ритайланд — Дали! — напирал с боку другой.

На рынке больше торговали сопутствующим товаром. Кругом лежали и висели разные поводки, шетки, плетки и ошейники. Особенно поразили дядю Савелия белевшие тут и там на прилавках голые, без следов мяса кости.

— До чего довели народ, — удивлялся он, — костями обглоданными торгуют!

Но пора было приступить к покупке. Многие продавцы вместе со своим скулящим, пищанием товаром приводили и родителей — вроде как для образца. Дядя Савелий ходил, присматривался к ним. От медвеобразных сторожевых он отшатнулся. "Разве такую прокормишь по нынешним временам!" Поджарые были понравились ему больше: "Морда как у сатаны! Такая много не съест, но зато и тебя никак не выдаст!"

Но владельцы булей свсыко поглядывали на его потрепан-ный пиджак, а цены, которые они называли, были для дяди Савелия далеки, как созвездия. Он еще раз обошел собачьи ряды. Торговля шла не слишком-то бойко. Настоящих покупателей было мало. Многие, непривычные к рыночной суете продавцы, отстояв часа три, махнув на все рукой, шли домой. Иные хозяева малопенных пород бросали непроданных щенков тут же на рынке. Дядя Савелий несколько раз прошел мимо одиноко стоящей плетеной из соломки сумки. Из нее выглядывали две щенячьи морды. Одна была "четырёхглазая" — с яркими рыжими пятнами на бровях. По другой шел мелкий черный крап. Время от времени морды схватывались друг с другом, или, прекратив драку, тянули шеи, стараясь разглядеть окружающий мир. "А вот этих уже никто не купит, — подумал дядя Савелий, — пропадут". Он уже не рассчитывал, сколько корма сожрут щенки, и могут ли они справиться с нагрянувшими ворами. Ему стало их жалко. Подойдя к сумке, он громко крикнул: "Кто хозяин?" Вокруг все молчали. Запуганные ежеминутными предупреждениями насчет вещей, неизвестно кому принадлежавших, пассажиры метро вряд ли осмелились бы на такой шаг. Но дядя Савелий редко ездил в метро и не боялся террористов. Он спокойно подхватил сумку и пошел на выход. Не то что им двигала корысть — вот товар бесплатно подцепил. Просто щенки чем-то показались ему, и он не хотел теперь дру-гох. Единственное, что мучило его по дороге к станции, так это мысль, что одного щенка ему придется соседу отдать.

Писатель и уховар Юрий Коваль

В электричке он сунул щенкам завалявшийся в кармане сухарь. Те долго тянули сухарь в стороны, пока не переломили его пополам. Ревниво поглядывая друг на друга — не достался ли сопернику кусок побольше, щенки сгрызли каждый свою долю и устались на дядю Савелия — чем еще угостишь, новый хозяин? Дядя Савелий и впрямь почувствовал себя хозяином, может, впервые в жизни. Нет, и раньше был у него хороший земельный участок, добротный бревенчатый дом. Но ни участок, ни дом, ни даже куры, которых он как-то держал не могли взглянуть на него так доверчиво. Дядя Савелий даже отвернулся от их взгляда и стал рассматривать сумку. Соломенная сумка была потрепана и стара. Был у нее боковой карман, из которого торчал желтоватый плотный листок. Дядя Савелий взял его в руки — странный листок, бумага не бумага... Весь он был исписан золотыми заграничными буквами. Никогда не видел дядя Савелий собачьих родословных, но подумал, что это, наверное, она. Он сунул родословную, в карман пиджака и опять задумался, какого щенка себе оставить, а какого соседу отдать.

— Оставлю себе четырехглазого. Говорят, такие приносят счастье. Значит, крапчатого придется отдать соседу.

Дядя Савелий представил, как сосед посадит его на цепь, будет плохо кормить... Держал же он кроликов, а они у него все передохли.

Так ничего не решив, приехал он домой. Иван Михайлович уже поджидал его у калитки.

— Ну что, достал? А родословная есть?

Дядя Савелий протянул ему листок. Листок соседа удивил.

— Пергамент. Палимсест? — заговорил он непонятно и стал разбирать надпись.

— Так, язык древнегреческий. Надо же! Мать — Эхидна, отец — Тифон. Щенка звать Орф. Клички все из мифов. Был такой двухголовый пес Орф, стада Гериона охранял.

О, древние греки! Были на земле народы и подревнее, но никто больше не создал таких замечательных мифов. Древние римляне пришли на все готовенькое, но нет в мире справедливости. До сих пор все планеты солнечной системы носят римские, а не греческие имена!

— Ладно, — продолжил сосед, — давай теперь экстерьер смотреть.

Дядя Савелию показалось диким тут же на улице вытряхивать из сумки щенков с такими звучными именами, и он предложил пойти в дом. В избе осторожно, чтоб, не дай Бог, щенки не ушиблись, вывалил их на пол. Иван Михайлович побледнел, позеленел и попятился к двери. Орф не Орф, а небольшой двухголовый орфёнок все же ощутимо шлепнулся брюшком об пол и тут же напустил большую лужу.

Нетвердые шаги соседа прогремели по ступенькам крыльца. А дядя Савелий обрадовался — не надо Иван Михайловичу никого отдавать.

Щенок задней правой ногой почесал за правым ухом левой головы, а дядя Савелий погладил его по спине и сказал ласково: "Орф, Орфёночек, пойду куплю тебе колбаски".

УТКИ В СУМЕРКАХ Моей жене Гале, хозяйке Алисы

Наша Алиса — охотничья собака, чистокровный коккер спаниель с ушами-лопухами и обрубленным хвостом. В три месяца она без всякой натаски начала ходить челноком. Знаток спаниелей оценит это умение. Главное дело ее жизни — искать дичь. Вот она правильным челноком бежит по полю, виляя хвостом-обрубком и обнюхивая все на своем пути. Тридцать шагов вправо, резкий поворот, тридцать шагов влево, несется Алиса, время от времени прыгивая из травы. Почуввав дичь, собака преображается. Теперь про нее нельзя сказать — машет хвостом. Нет, хвост ее трепещет как, наверное, трепещет в эти минуты ее страстное охотничье сердце.

В городе не побегаешь челноком. Когда по утрам Алиса вылетает из подъезда, сизари, толпящиеся у мусорных бачков, в панике поднимаются на крыло. Но их собака не считает дичью. Слишком долго живут они в городе, клюют из бачков и насквозь пропитались городским неди-ким запахом.

Иногда мы ходим гулять через дорогу в парк. Там в почти незамерзающем пруду летом и зимой живут утки. Первое время при виде их собака дрожала от охотничьего азарта — вот она, дичь! Но потом к ним Алиса потеряла интерес. Настоящие ди-

кие утки прячутся в зарослях болотной травы, свистя крыльями, пулей проносятся над головой и никогда не будут толпой плыть навстречу к каждому, кто подойдет к берегу, не будут драться, вырывая друг у друга кидаемые им куски.

Но чаще мы гуляем неподалеку от дома на пустыре. Таких пустырей с разбитыми бетонными плитами и торчащей из земли арматурой немало в Москве. На нашем еще кое-где растут деревья — тополя и даже несколько берез. Вечером вышли мы ненадолго погулять. Алиса сразу занялась делом — начала неистово расшвыривать лапами землю, поминутно фукая в раскопанное носом — искала мышей (какая еще дичь может быть на московском пустыре). А я просто стоял. Если в сумерки на пустыре встать спиной к домам, высокие березы заслоняют огромный город. Его не видно, и лишь давит на уши неумолкающий городской шум. Вдруг она вскинула голову и насторожила уши. Через несколько секунд и я услышал в небе свист. Часто взмахивая крыльями, тяжелые и стремительные, над пустырем пролетали утки. Конечно, это были давно забывшиеся о дальних перелетах утки из парка. Пролетели они днем, я, быть может, улыбнулся бы их немного неуклюжему полету. Но сейчас, в сумерках, над березами, они были настоящими, дикими...

Утки растаяли в темноте, а мы с собакой все смотрели, смотрели им в след. Я давно уже не слышал свиста рассекаемого утиными крыльями воздуха, но мне казалось — слышен свист. И конечно, еще долго ловили его, фильтровали из неумолкающего городского шума чуткие спани-ельские уши-лопухи.

ФАС

Самое привязанное к человеку существо, конечно, собака. В этом трудно убедиться. Зайдите в любой собачий магазин. Кругом среди пакетов с кормом и пластмассовых костей висят и лежат поводки, цепочки, сворки и всякие ошейники — от тоненьких, на которых, кажется, и кошку не удержать, до массивных, обитых железными шипами, очень-очень строгих.

Хорошие хозяева, вдобавок, при-вязывают к себе собак командами не менее строгими, чем самые шипастые ошейники: "ко мне", "рядом", "сидеть", "фу", а легавых еще командой "тубо".

Собака — друг человека. С этим я спорить не стану. Я бы только немного уточнил. Мне кажется, надо сказать: собака — друг хозяина. С остальной частью человечества у нее могут возникнуть и более сложные отношения. Особенно с людьми незнакомыми и малоприятными, которых, бывает, очень хочется укусить. Хороший хозяин не должен пускать этот процесс на самотек и обязан обучить собаку команде "фас". Не всякую, конечно, а служебную. У меня восточноевропейская овчарка.

— На площадку не вздумай водить, — говорил мне брат Андрей, владелец овчарки Дони. — Там ее испортят. Сам дрессирую.

Легко сказать — сам! Что я за дрессировщик. Я в некотором роде художник. Для меня "фас" — не приказ, по которому собака вонзает зубы в тело врага, а слово из мира искусства, вроде профиля.

— Да нет ничего проще, — продолжал брат.

По его словам выходило — главное найти "чужого". Одетый в старую телогрейку, "чужой" прячется и вдруг выскакивает перед носом собаки, прыгает, размахивая руками. Хозяину в это время надо командовать "фас" и стараться, чтобы собака не очень драла телогрейку.

В самом деле просто. Но где взять "чужого"? Я было, пригласил на эту роль брата Андрея, но он замахал руками, совсем как выскочивший из засады "чужой": "Да ты что! Да она меня на всю жизнь запомнит. Потом к тебе в квартиру не пустит. Или, — он взглянул на меня подозрительно,

— может, ты меня хочешь от дома своего оттащить?"

Брат был прав. На роль "чужого" он не годился. Я стал перебирать в памяти знакомых и родственников, которых неплохо бы оттащить от моего дома, но никого не находил. Сперва я приуныл, а потом даже обрадовался. Да ведь я счастливый человек! Все вокруг свои, нет для меня в этой жизни чужих. И нечего их наживать. Пусть моя собака останется необученной суровой команде "фас". А я лучше займусь своим делом — возьму краски, кисти, фломастеры и нарисую собаку, и непременно в фас.

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ

К киоску "Мороженое" через газон проложена неширокая асфальтовая дорожка. Рядом с киоском приткнул лоток продавец сосисок. На газоне спят собаки. Многие жалуются бродячих собак, думают про них: "Бедные". Но эти на вид вполне зажиточные — вокруг них валяются куски хлеба и даже недоеденные сосиски.

Время от времени на узенькую дорожку вступают люди. Люди разные. Одни косятся на собак с опаской, другие даже норовят погладить. Одни покупают мороженое, другие — сосиски.

Стриженный амбал, деловито бубнящий в мобильник, покупает сразу шесть сосисок и жадно их пожирал, не прерывая беседы по телефону.

Компания школьников, все на рюкзаках, с рюкзаками за спиной, осаждают будку мороженщика. У юной мамаше тоже рюкзак, но он висит на животе. Такие называются "кенгуру". В рюкзаке младенец. У него на лице выражение брызгливо-надменное, как у римского патриция. На мороженое он смотрит с пренебрежением: "Едали мы кое-что и повкуснее". Хотя, конечно, не пробовал ничего, кроме маминого молока и кисло-молочной смеси "Агу". У него любовь к мороженому еще впереди.

А двое помятых, зверовидных и клоквенноносых берут одну сосиску на двоих, явно на закуску.

Я заметил, покупатели сосисок мрачнее и озабоченнее любителей мороженого. Это понятно. Что такое сосиска? В конце концов, всего лишь определенное количество вводимых в организм белков и калорий. А мороженое — это даже не лакомство, а маленький праздник в нашей порою не очень веселой жизни.

Внезапно собаки на газоне дружно вскакивают и заливаются лаем. На асфальтовую дорожку вступает старичок. Несмотря на теплый осенний день, он в шапке-ушанке и длинном потертом пальто. Старик ведет на поводке большую овчарку. Именно ей адресуются лай. Овчарка тоже не молода — в черной шерсти белеет седина, спина провисла. Старик дергает за поводок и ругает собаку "смердящим псом". Овчарка мудра. Она не обижается на ругань хозяина, а на лай вольных собратьев и вовсе не обращает внимания.

Я пытаюсь угадать, куда направится старик с овчаркой. Мне кажется — к сосискам. А старик неожиданно покупает сразу два эскимо. Одно он, освободив от бумаги, преподносит собаке. Да берет мороженое с достоинством. Другое эскимо старик начинает облизывать сам. Он шурит от удовольствия, улыбается и, может быть, вспоминает, как ел мороженое лет эдак семьдесят назад...

Бродячие собаки, полаяв, успокаиваются и укладываются на газон. И у меня на душе становится спокойней. Если даже такие потрепанные старики могут устроить еще себе маленький праздник, значит, не все так плохо в нашей жизни.

• Иван ОВЧИННИКОВ
(1952–2001)

Экран и сцена —

243